

Между Индианой Джонсом и врачом без границ: к проблематизации поля в современной лингвистике

doi: 10.22394/2074-0492-2021-3-238-253

Резюме:

Настоящая работа посвящена проблематизации полевой лингвистики — дисциплины, по определению А. Е. Кибрика, разрабатывающей и практикующей методы получения информации о неизвестном исследователю языке на основании работы с его носителями. Рассматривается колониальная генеалогия дисциплины в XVI–XIX веках, маргинализация полевых методов и поля вообще в лингвистике в 1960–1980-е годы из-за расцвета структурной и генеративной лингвистики, переоткрытие поля уже на новом этапе в связи с пониманием необходимости как можно скорее зафиксировать и сохранить тысячи умирающих языков. В отличие от социальной и культурной антропологии, где распад колониальных империй заставил пересмотреть понимание поля как обязательного отъезда на экзотическую территорию, в лингвистике акцент на умирающие языки привязывает полевую работу к местам, пережившим колониализм. Утверждается оппозиция умирающих «примитивных» культур и уничтожающей их современности. Защита умирающих языков провозглашена главным основанием науки, и достигнуть

238

Космарский Артем Анатольевич — MA in Sociology (CEU/University of the State of New York), старший научный сотрудник Центра прикладных и полевых исследований Института исследований культуры НИУ ВШЭ; заместитель руководителя Лаборатории исследований блокчейна в образовании и науке ГАУГН. Научные интересы: социология науки, STS, социальная антропология. E-mail: akosmarskii@hse.ru

В данной научной работе использованы результаты проекта «Полевые исследования: наука за пределами лабораторий и библиотек и ее современные трансформации», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

Acknowledgement: The results of the project “Field Studies: Science beyond Laboratories and Libraries and Its Contemporary Transformations”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2021, are presented in this work.

этой цели ученый не может без помощи местного сообщества, и он обязан выплачивать этот долг. Иными словами, этос полевой лингвистики выстроен, прежде всего, относительно информантов (принимающего сообщества). Чисто научные цели понимаются как самоочевидные и не требующие отдельных мотивационных текстов.

Особое внимание в статье уделяется амбивалентности новой легитимации полевой лингвистики (возможно ли сохранение языков?), противопоставлению эмпириков кабинетным лингвистам, а также критическому анализу мифологий поля в лингвистике и имплицитного конфликта между этическим и эстетическим самообоснованиями дисциплины. При всем дистанцировании от викторианской науки с ее джентльменами-любителями последняя все равно присутствует как точка отчета, как основание дисциплины. Статья написана на материале книг, статей и учебных пособий лингвистов, а также серии глубоких интервью (N=6) с российскими индологами-полевыми, взятых в 2021 г.

Ключевые слова: лингвистика, поле, этос науки, мифология науки

Artyom A. Kosmarski¹

State Academic University for the Humanities; HSE University, Moscow, Russia

239

Between Indiana Jones and a Doctor Without Borders: a Problematization of the “Field” in Contemporary Linguistics

Abstract:

This paper is devoted to the problematization of field linguistics, a discipline, as defined by A. E. Kibrik, which develops and practices methods of obtaining information about a language unknown to the researcher on the basis of working with the language's speakers. We examine the discipline's colonial genealogy (XVI-XIX centuries), the marginalization of field methods and the subdiscipline in linguistics of the 1960s and 1980s, due to the flowering of structural and generative linguistics, and the rediscovery of the field, already on a new level, due to the understanding of the need to record and preserve thousands of dying languages. In contrast to social and cultural anthropology, where the collapse of colonial empires forced a rethinking of the field as an obligatory departure to exotic territories, in linguistics the emphasis on dying languages ties fieldwork to places that survived colonialism, i.e. affirms the opposition of dying “primitive” cultures and the modernity that destroys them. Since the defense of languages

1 Artyom A. Kosmarski — MA in Sociology (CEU/University of the State of New York), senior researcher, Centre for Applied and Field Research, Institute of Cultural Studies, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University; deputy head of the Laboratory for the Study of Blockchain in Education and Science (LIBON), State Academic University for the Humanities (GAUGN). Research interests: sociology of science, STS, social anthropology. E-mail: akosmarskii@hse.ru

under the threat of extinction is proclaimed as the main foundation of the discipline, the scholars may perform their work insofar as the local communities help them, and they are obliged to repay this debt indefinitely. In other words, the ethos of field linguistics is constructed primarily in relation to informants (the host community) — purely scientific goals are understood as self-evident and do not require separate motivational texts. Particular attention is paid to the ambivalence of the new legitimization of field linguistics (is it possible to preserve languages?), the empirical opposition of “empiricists” versus “arm-chair” linguists, and the critical analysis of field mythologies in linguistics and the implicit conflict between ethical and aesthetic self-justifications of the discipline — despite all distancing from Victorian science, with its gentlemen scholars, the latter is still present as a reference point, as the foundation of the discipline. This article was written on the basis of analysis of books, articles, and textbooks by linguists, as well as a series of in-depth interviews (N=6) with Russian linguists, experts in the languages of India (conducted in 2021).

Keywords: linguistics, fieldwork, ethos of science, mythology of science

Точка отчета: фигуры миссионера и джентльмена

240

Лингвистика, понимаемая еще не столько как научное знание о языке, сколько как описание живых языков на основе отработанных на мертвых (классических) языках инструментов, таких как грамматики и словари, изначально была полевой дисциплиной. Точнее, поле не понималось как нечто особое, уникальное, и оппозиции поле *versus* кабинет долгое время не существовало. Отправной точкой для современной лингвистики (в том числе полевой) можно считать XVI век, «постсредневековую Европу», которой стали любопытны самые разные и странные языки на периферии западного мира [Considine 2017], а также в открывающихся странах Востока и Нового Света. И первым значимым прообразом полевой лингвистики можно назвать деятельность миссионеров, прежде всего, испанских и французских. В их опыте впервые стали нормой долгое пребывание среди носителей языка, фиксация бесписьменных языков, составление не только словников и грамматик, но и базовых вероучительных текстов (вопросов к исповеди, катехизисов, проповедей). Вероятно, первопроходцами стали францисканцы в Новой Испании (Мексике) в 1520-е, осуществлявшие описания местных языков по модели ренессансной грамматики Антонио де Небрихи (он впервые напечатал грамматику живого, а не классического языка: испанского, который в Средние века считался варварским наречием, испорченной латынью, не требующей грамматического разъяснения) [Laughlin, Naviland 1988: 8-27; Zwartjes 2000].

Новый подъем миссионерской лингвистики наступил уже в XIX веке, в поле внимания теперь вошли языки Африки, Австралии

и других ранее малоизученных регионов. Свою роль в этом сыграли немецкие миссионеры, использовавшие достижения филологической традиции Германии; моравские братья, например, Й. Х. Т. Буркин (1833–1914), изучавший язык инуитов, и его сын Вальтер (1879–1974), работавший в Южной Африке [Jungraithmayr, Möhlig 1983:55, 56], наконец, баптисты, описавшие сино-тибетские языки британской Индии.

Заметную роль в истории языкознания занял Летний институт лингвистики (США), который вырос в 1934 г. в Арканзасе из небольшой исследовательской группы. Ее целью было знакомство миссионеров с основными антропологическими и лингвистическими теориями и подготовка их для переводческой деятельности. Именно его директором много лет был Кеннет Пайк, ученик Эдварда Сепира, автор новых методик фиксации и анализа данных и, возможно, лучший в истории полевой лингвист. Например, он мог сделать приличный очерк фонологии незнакомого ему языка за 45 минут [Hymes, Fought 1981:119; Makkai 1986]. Сейчас деятельность SIL, как водится, вызывает споры: исследователи задаются вопросом, не были ли его прозелитизм и миссионерские задачи в конечном счете разрушительны для местных языков и культур [Zwartjes, Novdhaugen 2004]?

241

Другой прообраз полевой лингвистики — работа джентльменов-любителей: это послы, колониальные администраторы, авантюристы, купцы или учителя, которые по какой-то причине решили описать интересный им экзотический язык. Так, фламандцу Ожье Гислену де Бусбеку, имперскому послу при дворе Сулеймана Великолепного, мы обязаны единственным словником готского языка Крыма [Costidine 2008: 139, 140]. Британская империя дала, конечно, больше всего таких людей вроде Эдварда Мэна, чиновника, служившего на Андаманских островах, автора первого словаря андаманского, или Джорджа Грирсона, выпустившего в 1903–1928-х годах «Обзор языков Индии» в 19 томах. Отдельного упоминания заслуживают правители, которые в приказном порядке картографировали языковое разнообразие своих владений. Екатерина II или, например, Томас Джефферсон рассылали словники, а многочисленные корреспонденты, участники научных экспедиций и чиновники их заполняли [Sturtevant 2005:19].

Лингвистические артефакты собирались в той же парадигме, что и другие курьезы и необычные объекты из туземных культур в матрице колониального сбора и перевоза сведений для кабинетных ученых метрополии [Calhoun 2018]. Не менее важной задачей колониальной лингвистики была фиксация языков колонизируемых народов: словники, грамматики, разговорники. В этом смысле они

брали на себя часть труда по маркировке, выстраиванию границ, нанесению на карту, иными словами, по развитию колониального порядка и дисциплины [Cooper 2005; Errington 2008: 4-14]. В этом смысле полевая лингвистика развивалась в том же ритме, что и освоение Западом большого мира, с пиками в XVI и XIX веках [Хедрик 2018]. Но параллельно происходила профессионализация лингвистики как отдельной науки по позитивистской модели (выделение языка в отдельный объект, поиск и формализация объективных законов и т. п.). И уже на этом фоне в XIX-XX веках в лингвистике менялось место поля как метода и как источника новой информации, важной для развития науки. Отчасти это циклический процесс: например, в период младограмматиков и развития сравнительно-исторического языкознания (вторая половина XIX века) кабинетная работа с древними текстами была важнее, чем в последующий период лингвистического дескриптивизма в традиции Боаса — Блумфилда — Сепира в США или активного языкового строительства, работы с языками народов СССР (первая половина XX века). В те же годы в России Николай Трубецкой, ученик младограмматиков, чьи работы по фонологии стали предпосылкой структурализма, активно занимался полевыми исследованиями кавказских, а также палеоазиатских языков, опираясь на сообщения знакомых этнографов.

242

Хомскианская парадигма и маргинализация полевой лингвистики

Однако сейчас мы все еще существуем в ситуации последнего по времени сдвига, когда господствующей парадигмой стала структурная и, в частности, хомскианская (генеративная) лингвистика (с 1950-х годов). Исследовательская программа Ноама Хомского опирается на идею единой для всех *Homo sapiens* системы языка и его универсальной грамматики. Понимать же структуру этой грамматики можно и по известным и хорошо описанным языкам, и материал из экзотических языков ничего нового не дает. Кроме того, интроспекция¹ носителей языка как главный метод новой лингвистики [Chomsky 1957] эффективнее работает, например, с англофонами, чем с аборигенами, которых опрашивает полевой лингвист. Конечно, диалектологи, социолингвисты и «блумфилдовцы»

1 Интроспекция (самонаблюдение) в лингвистике обычно понимается как внимание, осознанно направляемое носителем языка на тот или иной аспект последнего, с опорой на собственную языковую интуицию [Тимофеева 2010; Talmy 2018].

(представители антропологической лингвистики США) продолжали ездить в поле и описывать языки, но эти направления оставались маргинальными и далекими от «горячих» направлений и получали значительно более скромное финансирование [Newmeyer 1980; Chelliah, de Reuse 2011: 61-65].

Вспоминает один исследователь: «Когда в 1968 году я поступил в аспирантуру, наиболее престижным направлением исследований была трансформационная грамматика английского. Теория находилась в центре лингвистики, и английский язык был в центре теории. Тогда один профессор говорил мне, что мы недостаточно знаем о других языках, за исключением, быть может, французского, чтобы использовать их для универсальной теории... В те времена стало трудно быть старомодным лингвистом любого вида, не говоря уж о том, чтобы работать старомодным полевиком... Риторика генеративной грамматики во многом строилась вокруг того, чтобы редуцировать поверхностные различия к глубинному единству и, следовательно, в принципе лишить привилегированного статуса любой отдельный язык» [Nyman 2001: 30].

Таким образом, в середине XX века произошла маргинализация полевой лингвистики. Она стала периферийной по сравнению с теоретической работой на основе накопленной ранее языковой информации. Структуралистская революция 1940–1960-х опиралась среди прочего на поиск универсальных абстрактных параметров, «атомов языка», и их сочетаний по глубинным грамматическим правилам. Поиск этих универсальных законов в значительной степени снизил интерес к многообразию материала живых языков, и поле в лингвистике стало рассматриваться как «коллекционирование бабочек» [Everett 2004: 141], деятельность забавная и маргинальная относительно магистрального развития науки. Победа парадигмы структурной и генеративной лингвистики также предполагала следующую имплицитную позицию: ученые понимают устройство языка *лучше*, чем его носители; общение с последними перестало быть обязательным условием для развития лингвистического понимания того или иного языка. Как гласит знаменитая цитата из «Фонемики» Кеннета Пайка [Pike 1947: 57], «звук автоматически и бессознательно организуются аборигенами в структурные единицы... которые обученный иностранец может выявить, но о которых носитель языка может вообще не знать... и категорически отвергать сам факт их наличия». Здесь видно, как на отношение к информантам влияет ключевое для структурализма противопоставление языка и речи, фонологии и фонетики, при превосходстве первого члена оппозиции, противопоставление, восходящее еще к «Грамматике Пор-Рояля»,

разделившей универсальные логико-смысловые категории языка и частные факты отдельных языков [Арно, Лансло, 1990]¹.

Умирание языков как новая легитимация полевой лингвистики

Однако полевая лингвистика не умерла, а пересобрала себя на новом фундаменте в 1980–2000-е годы. Ее основанием (аргументом, обосновывающим ее ценность и необходимость) стал факт вымирания языков (по одному языку раз в две недели, по некоторым подсчетам) и вытекающей из этого острой необходимости их сохранения и фиксации. Одно из авторитетных пособий буквально так и начинается: «В мире, где все большее количество языков теряет носителей, место полевой работы в лингвистике и ее значимость для языковых коллективов становятся все более важными» [Meakins, Green, Turpin 2018: 2]. В возрожденной полевой лингвистике акцент сдвинулся с картографирования (первичной фиксации неизвестного языка для западных ученых, администраторов и т. д.) на сохранение: запись языкового материала, пока язык еще жив и не утрачен носителями [Thieberger 2011: 1; Harrison 2010]. Впрочем, такое обоснование науки (спасение языков) не лишено амбивалентности. Во-первых, упускается из виду, что лингвисты приходят извне в «сырую» культуру и тем самым способствуют ее порче, на это, конечно, можно возразить, что ученые работают с языками, которые *и так* исчезают под воздействием сил современности; хуже им сделать нельзя, а лучше — можно (написать грамматику, учебники, составить словари, наладить обучение в школах). Впрочем, не стоит забывать, что грамматики и школы — это также инструменты модерна, неотвратимо трансформирующие предшествующую реальность. Во-вторых, фиксация бесписьменных языков и спасение их от вымирания — не одно и то же, и лингвистика как наука не может без первого, но вполне способна обойтись без второго (материал собран, а дальше пусть все идет как идет).

Новая парадигма предполагает также активное сотрудничество с носителями, междисциплинарность (лингвист часто бывает еще и антропологом, собирает данные по этноботанике, этнозоологии,

1 В структуралистскую эпоху скорее лингвистика влияла на антропологию как метанаука (перенос бинарных фонологических оппозиций на социальные явления): «Подобно тому, как лингвист охотится на выявляемые контрастирующие элементы в речевом поведении, антрополог может определять... формы повторяющегося социального поведения» [Brögger 1966: 153].

этноастрономии и т. п.), стабильность первичных данных и воспроизводимость результатов. Полевой лингвист не может скрывать свои данные: коллеги обязаны иметь возможность независимо прийти к аналогичным выводам (это помещает лингвистику в общее пространство современных наук, science, где воспроизводимость институционализирована как норма).

Примечательно, что в отличие от социальной и культурной антропологии, где распад колониальных империй заставил пересмотреть понимание поля как обязательного отъезда на экзотическую территорию (и в целом разделение, согласно которому социология изучает свое общество, а антропология — иное, примитивное), в лингвистике акцент на умирающие языки привязывает полевую работу к местам, пережившим колониализм, т. е. утверждают оппозицию умирающих «примитивных» культур и давящей на них современности [Hale 1992: Thieberger 2011]¹.

Конечно, это не единственная трактовка поля в лингвистике. Нередко экзотизация оспаривается и утверждается возможность полевой работы в офисах, жилых массивах западных городов и даже среди собственных родственников [Chelliah, de Reuse 2011: 3]. Принципиальным моментом, определяющим поле, становится сбор языковых данных у носителей некоего языка, что имплицитно противопоставляется хомскианской интроспекции. Тем не менее большинство влиятельных определений подчеркивают именно разрыв, важность длительного пребывания среди чужих: «полевая лингвистика — это... деятельность исследователя, систематически анализирующего элементы неродного языка в сообществе носителей этого языка... на их родине, живущего их жизнью в среде и ментальных реалиях аборигенной культуры» [Everett 2001: 168]; «полевая работа в лингвистике в идеале предполагает наблюдение за тем, как язык используется, становление членом сообщества и нередко включение в местную систему родства» [Aikhenvald 2007: 5]. Это опять же идет вразрез

1 Важно отметить, что лингвисты делят с антропологами общие проблемы работы в поле; им также приходится адаптироваться к новой среде, искать информантов, выстраивать с ними коммуникацию, вступать в отношения власти, долга и ответственности, маневрировать между местными властями, сообществом, собственным академическим «заказчиком», решать этические вопросы. Однако полевики-лингвисты (пока) избавлены от фундаментального эпистемологического скептицизма — рефлексии о невозможности понять Другого, от сдвигов и искажений при создании нарратива о чужой культуре и т. п. [Ortner 1984; Dimmendaal 2001: 55]. От этого их защищает относительно «твердый» характер лингвистического материала и позитивистское отсутствие сомнений в статусе объектов изучения.

с современным пересмотром понимания поля в антропологии, где оппозиция свое — чужое, а также экзотизация объекта постоянно проблематизируются.

Образы себя в поле. Противостояние полевой и кабинетной лингвистики

Опыт полевой работы, его особенности, воздействие на ученого начинают осмысляться лингвистами только с 2000-х годов [Masaulya 2011]. Но в целом, как и другие представители социальных наук, они находятся с полем в отношениях любви — ненависти. Поле, с одной стороны, вызывает энтузиазм, радость открытий и приключений, а, с другой — пугает неизбежным стрессом, непредвиденными трудностями, скукой, тоской и одиночеством, проблемами со здоровьем в чуждом климате, враждебностью информантов и т. п. [Ottenberg 1990: 144; Newman 1992; Lee 1995] Но особое место в этом ряду занимает символическая власть: лингвистическое поле дает доступ к эксклюзивному материалу. «Радость открытия — человек может стать всемирно признанным авторитетом по тому или иному языку за двадцать минут (по всей видимости, имеется в виду выступление полевого лингвиста на конференции. — А. К.) [Newman, Ratliff 2001: 8].

И это прямо приводит нас к следующей важной теме: мифологиям полевой работы и идентичности ученого. Среди многих ролей, которые полевые лингвисты примеряли на себя и отчасти фиксировали в текстах, мне кажется важным указать на две. Во-первых, как бы от нее не отрешивались в постколониальную эпоху [Bowen 2008: 13, 14; Chelliah, de Reuse 2011: 23, 85], это роль Индианы Джонса, героя-одиночки в джунглях, добывающего в приключениях бесценный артефакт, невзирая на препятствия. «Часть меня говорит, что ваша грамматика не будет по-настоящему ценной, если вы не перенесли по крайней мере один приступ малярии... пока ее писали, или хотя бы один ноготь вам не оторвали походные ботинки, или у вас не вскочил мерзкий фурункул на табуированной части тела» [Crowley 2007: 16]. То есть остается актуальным образ поля как инициации, подвига, испытания, а не просто нормальной научной работы.

Во-вторых, это роль доктора без границ, который приезжает к страдающему племени, делит с ними хлеб и помогает спасти их язык, — чувство гордости и осмысленности работы приносит именно гуманитарная миссия [Chelliah, de Reuse 2011: 23-24; Newman, Ratluff 2001]. Обе роли генеалогически восходят к викторианской эпохе (ученый как Ливингстон или Стэнли), несмотря на то что современная лингвистика всячески дистанцируется от науки этого

периода с ее джентльменами-любителями, она все равно присутствует как точка отчета, как основание дисциплины. Это хорошо заметно по оговоркам и прорывающимся метафорам: «Эпоха независимых и богатых одиночек, которые могли путешествовать куда угодно со своими собственными кули или носильщиками в викторианском комфорте, закончилась. Полевым ученым в наше время приходится волноваться по поводу финансирования, чтобы добраться до далеких мест безопасно и с пользой» [Chelliah, de Reuse 2011: 84].

Конечно, граница между полем и не-полем (например, интервью у носителей языка в своей стране/среде), по мнению некоторых лингвистов, довольно зыбкая. Иногда говорится о тройной шкале: состояние, экзотичность, продолжительность пребывания. Чем выше показатели по шкале, тем ближе к классическому полю [Hupman 2001: 16]. Однако противопоставление интроспекции и работы с вторичными данными, с одной стороны, работе с информантами, с другой стороны, не оспаривается. Поле из просто инструмента сбора данных имплицитно становится основой идентичности исследователей и маркером противостояния различных значимых позиций внутри лингвистики.

247

Здесь отдельно стоит упомянуть терминологическое различие между западным (точнее, англо-американским) и российским/советским опытами. На Западе полевая лингвистика не оформляется как отдельная субдисциплина: там есть *linguistic fieldwork* как *метод* языкознания, значимость которого падает или возрастает. Вероятно, особый статус полевой лингвистики, эксплицитно противопоставленной кабинетной¹, оформился в СССР/России благодаря лично Александру Кибрику и инициированной им с 1967 г. сверхпопулярной (множество участников и не только студентов) практике лингвистических экспедиций. Полевая лингвистика стала одним из вариантов позднесоветского эскапизма наряду с экспедициями

1 Цитата из соответствующей статьи в энциклопедии «Кругосвет» авторства А. Кибрика: «Полевая лингвистика неявным образом противопоставлена “кабинетной”, для которой источником данных являются либо языковая интуиция самого исследователя, являющегося носителем изучаемого языка или по крайней мере хорошо им владеющего, либо обширный корпус текстов на изучаемом языке, о котором опять же известно достаточно много для того, чтобы изучать его без обращения к суждениям его носителей. Само название “полевая лингвистика” образовано с оглядкой на исследовательскую практику дисциплин, занятия которыми предполагает “выезд в поле”; среди гуманитарных дисциплин таковыми прежде лингвистики стали фольклористика и культурная антропология».

археологов, геологов, турпоходами и т. п. (этот вопрос, конечно, требует отдельного изучения).

Однако и на Западе оппозиция полевых и кабинетных лингвистов присутствует имплицитно как источник одной из оппозиций внутри поля науки [Бурдые 2005]. Это проявляется непрямым образом во взаимных описаниях. Теоретические лингвисты называли полевиков «дескриптивистами», «эмпириками», «собираателями бабочек»; по мнению последних, теоретики «сидят в башне из слоновой кости» или в лучшем случае «в кресле» (*armchair linguistics*), так сказать, диванные лингвисты [Human 2001; Crowley 2007: 11-13]. Если судить по научным текстам, этот конфликт, результат хомскианской революции, ушел в прошлое уже с 1990-х, однако, по данным моих интервью, де факто воспроизводится в структуре науки и символических иерархиях.

«У нас... лингвистика существует на двух кампусах. На одном институт *empirische Sprachwissenschaft*, который занимается эмпирической лингвистикой, полевой лингвистикой, там люди сидят, пишут грамматики, ездят в полевые исследования... А есть другой институт, там сидят люди, которые воспитаны в традиции универсальной грамматики, и они репродуцируют дальше... У них есть данные, данные, данные. Никуда они не ездят, они эти данные теоретизируют, теоретизируют... Книжки больше, больше, больше. И между двумя кампусами люди не общаются. Хотя при этом семинары есть и там, и там, люди ходят на семинары, но при этом как две разные планеты. Туда ехать 15 минут на велосипеде, 25 минут пешком дойти. Они там на своей планете существуют, а мы — на своей. И они на нас смотрят сверху вниз... Говорят, мы не в глубину, а как-то вширь, в бок, непонятно куда» (интервью с А. З., российским лингвистом, 21.03.2021).

248

Этика versus эстетика поля как внутренний конфликт лингвистики

Если противопоставление эмпириков теоретикам достаточно распространено в современных науках, то характерным именно для современной полевой лингвистики (и слабо отрефлексированным) остается глубинный конфликт между тем, что можно назвать этикой и эстетикой в поле.

С одной стороны, поле — это удовольствие, приключение, и таково институционализированное положение дел; это своего рода награда, которая компенсирует неудобства и затраты времени (и молодости). «Полевому следует серьезно относиться к своей работе, но не нужно считать ее заунывной — исследователя ждет увлекательный опыт, обогащающий жизнь. Работу в поле можно охарактеризовать одним словом (для меня, по крайней мере): это

прикольно (fun)» [Samarin 1967: vii]. Эта награда делает исследовательское направление привлекательным, хотя сами ученые могут сетовать, что идея fieldwork as fun обманчива и мешает рефлексии о проблемах исследователя (страх, отчаяние, одиночество, фрустрация и т. п.) [Thieberger 2011: 467].

С другой стороны, возрождение полевой лингвистики в 1980-е на новом основании (спасение умирающих языков) привел к перестройке не просто ее этики, но и целеполагания. Старая колониальная наука критикуется за то, что она ускоряла умирание языков (через христианизацию, модернизацию). Сейчас защита языков от вымирания — это абсолютная ценность. Из этого следует, что ученый работает постольку, поскольку ему помогает местное сообщество, и он обязан выплачивать этот долг, и нет предела тому, сколько он обязан своим информантам.

Кроме того, аудитория ученых теперь включает не только других их коллег, но и носителей изучаемых языков, т. е. людей, которым лингвисты обязаны [Aikhenvald 2007; Mithun 2007: 42]. Сами носители редких и умирающих языков обращаются к лингвистам за помощью, чтобы вместе с ними разработать план действий по сохранению родных наречий. Подчеркивается, что одной научной мотивации для полевого лингвиста недостаточно: «Помимо собственных исследовательских интересов вы также должны быть открыты для языковых устремлений [местного] сообщества, которые могут включать в себя помощь в обучении, разработку школьных ресурсов или выработку языковой политики. Ваша способность выполнять такую работу может быть ограничена временем... академическими требованиями... но она всегда должна учитываться в качестве долгосрочной цели вашей “практики” как полевого лингвиста... Попытки занять позицию научной беспристрастности обычно наталкиваются на незаинтересованность со стороны сообщества» (курсив мой. — А. К.) [Meakins, Green, Turpin 2018: 13]. Но такая легитимация дисциплины приводит к тому, что ученый разрывается между двумя императивами, так как две аудитории ценят разные вещи: для академических организаций важны статьи в научных журналах и монографии, интересные специалистам широкого профиля, а для носителей языка — словари, учебники для носителей языка, просветительские ресурсы.

Этос полевой лингвистики выстроен, прежде всего, относительно информантов (принимающего сообщества) — чисто научные цели понимаются как самоочевидные и не требующие отдельных мотивационных текстов. Опирается этот этос на два императива. Во-первых, «не навреди», как у врачей [Rice 2011: 408 и сл.]. Во-вторых, «принцип лингвистической благодарности» требует от ученых как можно больше помогать и действовать в интересах информантов,

которые потратили свое время на общение и проявили гостеприимство [Wolfram 1998: 273].

Однако, несмотря на этот этический пафос, лингвисты постоянно проговариваются о том, что точка отчета для них — это по-прежнему викторианский ученый. Миф о героическом одиночке, который преодолевает опасности, как и раньше, лежит в основании полевой лингвистики, хотя в качестве такого основания провозглашается новая аксиология спасения языков (иными словами, приоритет пользы над удовольствием).

Библиография/References

Арно А., Лансло К. (1990) *Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля*, М.: Прогресс.

— Arnaud A., Lancelot C. *Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal*, М.: Progress. — in Russ.

Бурдые П. (2005) Поле науки. Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН, М.: Праксис: 15-56.

— Bourdieu P. Le champ scientifique. In: *Sociology in Question. Social Science in Poststructuralist Perspective. An Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*, М: Praxis: 15-56. — in Russ.

Кибрик А. (без даты) *Полевая лингвистика. Энциклопедия «Кругосвет»* (https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/POLEVAYA_LINGVISTIKA.html)

— Kibrik A. *Field linguistics. Encyclopedia "Krugosvet"*. (https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/POLEVAYA_LINGVISTIKA.html). — in Russ.

Тимофеева Н. (2010) Интроспекция как предмет и метод лингвистики. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*, 9 (2): 3-12.

— Timofeeva N. (2010) *Introspection as a subject and method of linguistics. Vestnik NSU. Series: History, Philology*, (9): 2. — in Russ.

Хедрик Д. (2018) *Власть над народами. Технологии, природа и западный империализм с 1400 года до наших дней*, М.: ИД «Дело».

— Headrick D. (2018) *Power over Peoples. Technology, Environments, and Western Imperialism, 1400 to the Present*, М.: Publishing house "Delo". — in Russ.

Aikhenvald A. Y. (2007) *Linguistic fieldwork: setting the scene. Linguistic Fieldwork. A Special issue of Sprachtypologie und Universalienforschung*, 60: 1-11.

Bowern C. (2008) *Linguistic Fieldwork. A Practical Guide*, New York: Palgrave MacMillan

Brögger J. (1966) Linguistics and social anthropology. *Ethnos: Journal of Anthropology*, 31 (1-4): 151-160.

- Calhoun D. (2018) Colonial collectors: missionaries' botanical and linguistic prospecting in French colonial Africa. *Canadian Journal of African Studies / Revue canadienne des études africaines*, 52 (2): 205-228.
- Chelliah Sh.L., de Reuse W.J. (2011) *Handbook of Descriptive Linguistic Fieldwork*, London; New York: Springer.
- Chomsky N. A. (1957) *Syntactic Structures*, The Hague: Mouton.
- Considine J. (2008) *Dictionaries in early modern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Considine J. (2017) *Small dictionaries and curiosity. Lexicography and fieldwork in post-medieval Europe*, Oxford: Oxford University Press.
- Cooper F. (2005) *Colonialism in question: theory, knowledge, history*, Berkeley: University of California Press.
- Crowley T. (2007) *Field Linguistics. A Beginner's Guide*, Oxford: Oxford University Press.
- Dimmendaal G.J. (2001) Places and people: field sites and informants. P. Newman, M. Ratliff (eds) *Linguistic Fieldwork*, Cambridge: Cambridge University Press: 55-75.
- Errington J. (2008) *Linguistics in a Colonial World: A Story of Language, Meaning, and Power*, Oxford: Blackwell Publishing.
- Everett D. L. (2001) Monolingual field research. P. Newman, M. Ratliff (eds) *Linguistic Fieldwork*, Cambridge: Cambridge University Press: 166-188.
- Everett D. L. (2004) Coherent fieldwork. P. van Sterkenburg (ed.) *Linguistics today—Facing a greater challenge*, Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins: 141-162.
- Hale K. L. (1992) Language endangerment and the human value of linguistic diversity. *Language*, 68 (1): 35-42.
- Harrison D. (2010) *The last speakers: The quest to save the world's most endangered languages*, Washington, D. C.: National Geographic.
- Hyman L. M. (2001) Fieldwork as a state of mind. P. Newman, M. Ratliff (eds) *Linguistic Fieldwork*, Cambridge: Cambridge University Press: 15-33.
- Hymes D. H., Fought J. (1981) *American Structuralism*, The Hague: Mouton.
- Laughlin R. M., Haviland J. B. (1988) *The Great Tzotzil Dictionary of Santo Domingo Zinacantan, with Grammatical Analysis and Historical Commentary*. (Smithsonian Contributions to Anthropology, No. 31.), Washington D. C.: Smithsonian Institution Press.
- Lee R. M. (1995) *Dangerous Fieldwork*. (Qualitative Research Methods, 34), Newbury Park, CA: Sage.
- Macaulay M. (2011) Training linguistics students for the realities of fieldwork. N. Thieberger (ed.) *The Oxford Handbook of Linguistic Fieldwork*, Oxford: Oxford University Press: 456-472.
- Makkai A. (1986) The Lexo-Centric Approach to Descriptive Linguistics. B. F. Elson (ed.) *Language in Global Perspective: Papers in Honor of the 50th Anniversary of the Summer Institute of Linguistics 1935-1985*, Dallas, TX: Summer Institute of Linguistics: 47-61.

Meakins F., Green J., Turpin M. (2018) *Understanding Linguistic Fieldwork*, London; New York: Routledge.

Mithun M. (2007) Grammars and the Community. T. E. Payne, D. J. Weber (eds) *Perspectives on Grammar Writing. (Benjamins Current Topics 11)*, Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins: 45–69.

Newman P. (1992) Fieldwork and field methods in linguistics. *California Linguistic Notes*, 23 (2):2–8.

Newman P., Ratliff M. (eds) (2001) *Linguistic Fieldwork*, Cambridge: Cambridge University Press.

Newmeyer F. J. (1980) *Linguistic Theory in America. The First Quarter-Century of Transformational Generative Grammar*, New York: Academic.

Ortner Sh. B. (1984) Theory in Anthropology since the Sixties. *Comparative Studies in Society and History*, 26 (1): 126–166.

Ottenberg S. (1990) Thirty years of fieldnotes: changing relationships to the text. R. Sanjek (ed.) *Fieldnotes: The Makings of Anthropology*, Ithaca: Cornell University Press: 139–160.

Pike K. (1947) *Phonemics: a technique for reducing languages to writing*, Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

252

Rice K. (2011) Ethical issues in linguistic fieldwork. N. Thieberger (ed.) *The Oxford Handbook of Linguistic Fieldwork*, Oxford: Oxford University Press: 407–429.

Samarin W. J. (1967) *Field Linguistics. A Guide to Linguistic Field Work*, New York: Holt, Rinehart & Winston.

Sturtevant W. C. (2005) History of Research on the Native American Languages of the Southeast. H. K. Hardy, J. Scancarelli (eds) *Native Languages of the Southeastern United States*, Lincoln; London: University of Nebraska Press.

Talmy L. (2018) Introspection as a Methodology in Linguistics. *Ten Lectures on Cognitive Semantics. Brill*: 218–262.

Thieberger N. (ed.) (2011) *The Oxford Handbook of Linguistic Fieldwork*, Oxford: Oxford University Press.

Wolfram W. (1998) Scrutinizing Linguistic Gratuity: Issues from the Field. *Journal of Sociolinguistics*, 2: 271–279.

Zwartjes O. (ed.) (2000) *Las gramáticas misioneras de tradición hispánica (siglos XVI–XVII)*, Amsterdam: Atlanta: Rodopi.

Zwartjes O., Hovdhaugen E. (eds) (2004) *Missionary Linguistics/Lingüística Misionera: Selected Papers from the First International Conference on Missionary Linguistics (Oslo, 13–16 March 2003)*, Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Рекомендация для цитирования:

Космарский А. А. (2021) Между Индианой Джонсом и врачом без границ: к проблематизации поля в современной лингвистике. *Социология власти*, 33 (3): 238–253.

For citations:

Kosmarski A. A. (2021) Between Indiana Jones and a Doctor Without Borders: a Problematization of the “Field” in Contemporary Linguistics. *Sociology of Power*, 33 (3): 238-253.

Поступила в редакцию: 11.09.2021; принята в печать: 27.09.2021

Received: 11.09.2021; Accepted for publication: 27.09.2021